

Илья Бушмин

УБОЙНАЯ ЛИНИЯ

Крутые
меры



Илья Бушмин

Убойная линия. Крутые меры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23688089

ISBN 9785448502415

Аннотация

Пытаясь выручить своего информатора, оперативник «убойного» отдела Максим Силин оказывается в эпицентре расследования громкого заказного убийства. В ходе следствия сыщик сталкивается с самым серьезным противником в своей жизни – с таинственным киллером, который устраняет каждого на своем пути и который не боится бросить вызов никому. Даже полиции.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	12
1	12
2	16
3	28
4	34
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Убойная линия

Крутые меры

Илья Бушмин

Фотограф pixabay.com

Иллюстратор pixabay.com

Корректор Юлия Ким

© Илья Бушмин, 2017

© pixabay.com, фотографии, 2017

© pixabay.com, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0241-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

...И вот зашел я в двери пивной. Сама пивная представляла из себя унылое, но привычное зрелище. Типичная дыра с пластиковыми столиками, с маленьким телевизором на стене, обшарпанной барной стойкой и не менее обшарпанной продавщицей – назвать ее барменом язык не поворачивается, так что пусть уж будет продавщицей. Несколько столиков были заняты, за ними типичный местный контингент. Маргиналы, алкаши, наверняка пара наркоманов, и прочее отребье.

Короче, то еще местечко. И вот вся эта публика повернула головы и уставилась на меня. Половина из них уже сообразили, что что-то происходит. Вторая половина скоро тоже сообразит. Не повернулся и не поднял глаз на меня только один человек. Сурик. Но как раз он-то мне и был нужен.

Я шагнул к его столику, ловя на себе взгляды. Некоторые из местных уже сообразили, кто я – все-таки опыт улиц дает о себе знать, и бывалые срисовывают тебя не хуже этих ваших ясновидящих, с первого взгляда – поэтому торопливо отвели глаза и сделали вид, что заняты своими делами. Чтобы не привлекать моего внимания.

Сурику было под 50. Суровое морщинистое и обветренное лицо. Седоватые короткостриженные бобриком волосы. Его столик был метрах в 10 от входа, но честное слово – мне

показалось, что я шел к нему целую вечность. Сурик таращился в никуда и даже бровью не повел, когда я наконец поравнялся с ним.

На столе – тарелка с недоеденным убогим и каким-то иссохшим, как лицо старухи, бутербродом. Чекушка водки. Грязная пустая рюмка. Пустая смятая сигаретная пачка. И пепельница, наполовину полная мятых вонючих бычков.

А ведь я мог бы сказать – пепельница наполовину пустая. Мог, но не стал. Я, черт возьми, стараюсь быть оптимистом по жизни. И вам в этом скоро предстоит убедиться.

Сурик продолжает игнорировать меня. Может, реально не замечает гостя, погруженный в свои невеселые думы. Может, прикидывается. А может, и это самый реальный вариант, он уже нажрался и не может адекватно реагировать на происходящее.

Я кашлянул и кивнул на свободный стул напротив Сурика.

– Присесть можно?

Наконец он удостоил меня своим вниманием. Поднял глаза. Взгляд хмурый, но без агрессии. Скорее, даже какой-то грустный взгляд. Хороший признак. Помедлив, Сурик равнодушно пожал плечами. Я медленно уселся напротив, скосив глаза в сторону – там как раз кто-то из притихших алкашей, догадавшись, что дело идет к чему-то нехорошему, не выдержал и предпочел свалить. Более опытные сидели, понимая, что снаружи ничем не лучше – там их ждут.

И вот сидели мы с Суриком друг напротив друга и молчали. Чтобы начать двигаться в нужном направлении, я прибегнул к старому доброму способу. Куреву. Достал пачку, выудил из нее одну сигарету. Медленно положил пачку на центр столика. Все это только одной рукой – левой. Правая – она все время была в кармане куртки.

– Знаешь...

Я чуть не вздрогнул, потому что нервы – они у меня были на пределе. Голос Сурика был полон смертельной печали. Подавленный, тихий и хриплый.

– Знаешь... Если где-то и бывает любовь такая, как в стихах... Ну настоящая... То это у тех, кто сидит у хозяина. Когда человек на зоне, то нет у него ни выгоды какой-то, ни грязи, ни этой, как ее... похабщины. Когда ты мотаешь срок, а тебя ждет женщина, ты любишь ее по-настоящему. Чисто. Светло, твою мать.

И что мне прикажете на это отвечать? Правильно – ничего. Я кивнул для солидности и чуть пододвинул куреву к Сурику. Тот потянулся к пачке, закурил. Начало положено, в общем.

– Я на зоне двадцатник же провел, – Сурик с усмешкой посмотрел на меня, – Да ты уже и сам в курсах, небось, а? Снова сдержанный кивок.

– Слышал.

Сурик вздохнул.

– С Валькой... С Валькой я во время последней отсидки

познакомился. И прикинь, как? По переписке.

Он потянулся к рюмке, но обнаружил, что она пуста. В чекушке плескалось что-то на дне. Сурик допивает водку из горла, даже не поморщившись. Выпил он, судя по всему, уже очень и очень прилично, но по нему не скажешь. Голос ровный, язык не заплетается, глаза не в кучу. Я понимал, почему – всему виной адреналин. Стресс «сожрал» все выпитые градусы.

– Писал ей письма всякие с зоны. Как чувствовал, так и писал. А у нее аж крышу сорвало. Говорит, никогда у нее не было такого светлого и чистого чувства. Вот прям так и сказала, ты прикинь.

Он не требовал ответа, но я кивнул:

– Ништяк.

– Она ко мне на свиданки приезжала. За минутками этих, как ее – ласки и любви.

И вот Сурик замолчал, уйдя с головой в воспоминания. Мне это было совсем не кстати. Пришлось подталкивать его:

– А потом?

– Что? – И все-таки, решил я по этому его вопросу, Сурик был крепко пьян. – А, ну да... А потом ничего. Потом я откинулся. На воле оказался, значит. Воля... – он мрачно оскалился. – Денег нет. Работы нет. Ни хрена нет. Зато привычки есть. Да и все, что вокруг творится... Я ведь после кучи лет у хозяина и не понимаю ничего в этой жизни уже. Ну, и недостатки все мои тут, конечно, и поперли.

– Валька? – догадался я.

– Угу. Короче, не пошло у нас что-то. Так вот целый год промаялись. А, ну его нахер.

Сурик отмахнулся и уставился в никуда, давая понять, что продолжать он не намерен. Ну, нет, Сурик, так не пойдет. Говори со мной. И я решился:

– Из-за чего ты ее?

Сурик зло цокнул языком и повертел головой.

– Бабки от меня прятать стала. Я спросил, че за дела. А она мне... Крысой меня назвала. Меня, прикинь? – снова покачал головой, поражаясь, как Валька могла так необдуманно поступить. – А за такое... Такое не прощают. Сам понимаешь.

Последние его слова прозвучали неуверенно. Сурик снова посмотрел мне в глаза и, словно оправдываясь, сообщил:

– Я ее любил. Веришь?

– Верю, Сурик. Верю, – я не врал, я действительно верил ему. После стольких-то лет на этой работе. Это была не первая социальная драма, которая разворачивалась у меня на глазах. И, что хуже всего, далеко не последняя. Я дал Сурику спокойно докурить, после чего кивнул на дверь: – Ну что? Пошли?

Сурик и сам все понимал. Затушив сигарету, он спросил только одно:

– Без наручников можно?

Ты по-человечески – и я по-человечески. Такое вот у меня

правило.

– Пока да. А когда в воронку погрузят... Ну ты и сам понимаешь, дальше как положено.

Сурик посопел, соглашаясь. Левой рукой – правая все еще была в кармане, ни на секунду не расслабляясь – я забрал свои сигареты со стола. А потом встал и отступил на шаг в сторону, пропуская его вперед. Сурик поплелся к двери.

Когда от его толчка дверь распахнулась, даже я был ослеплен светом фар и вспышками красных и синих проблесковых маячков. Два экипажа ППС, машина оперов из местного отделения и наша служебная тачка. Мельник, местные опера, четверо патрульных с автоматами. Все они были вооружены, и все их стволы были направлены на нас с Суриком.

Я поднял руку, сигнализируя, что все нормально. Двое ППСников и местный опер проворной змейкой метнулись к Сурику. Тот сам протянул им руки, надеясь, что с ним не поступят жестко. Напрасно. Сурика повалили мордой в землю, заломили руки, щелкнули наручниками. Грубые быстрые руки пошарили по карманам, после чего вздернули Сурика вверх и поволокли к «воронку».

Только тут я выдохнул.

Один из местных оперов подбежал ко мне. Его физиономия была перекошена от злости.

– Капитан! Я конечно не знаю, как у вас в убойном принято, но твою мать! – опер замахал в сторону Сурика, – Он всего два часа назад порешил ее! Нанес ей двенадцать, мать

его за ногу, ножевых ранений! Это опасный рецидивист, и...!

– Да все уже, – отмахнулся я скорее для самого себя, чем для опера с земли, – Все под контролем, расслабься. Мы его взяли.

Я скользнул взглядом по полицейским машинам, и вдруг в голове что-то щелкнуло. Знакомое лицо? Я снова, теперь медленнее, осмотрел экипажи ППС. Так и есть. Позади них собралась небольшая, человек 15, толпа зевак. А среди них – Паяльник собственной персоной. Мы встретились глазами, и в ту же секунду Паяльник отворачивается и поспешно исчезает в темноте.

– Ты как?

Мельник. Я кивнул ему – мол, все хорошо – и наконец вытащил правую руку из кармана. От напряжения пальцы почти окоченели, а ладонь взмокла. У меня в руке был табельный ствол. Понимая, что все позади и что, слава богу, все-таки обошлось без стрельбы, я поставил пистолет на предохранитель. Расстегнул куртку – под ней был кевларовый бронежилет, который я забрал у одного из патрульных перед тем, как входить в пивную, где, по оперативной информации, полученной по горячим следам, засел особо опасный убийца-рецидивист по кличке Сурик – и спрятал ствол в кобуру.

Часть 1

1

Блеклые казенные стены. Привинченный к полу тяжеленный стол. Два обшарпанных и повидавших все на своем веку, но все еще крепких металлических стула. Окно с решетками. За окном темнота.

– Двадцать лет... Двадцать лет на зонах, начальник. Ты знаешь, что это вообще такое?

Это был Сурик. Хотя ночь уже удалась и мокруху мы раскрыли по горячим следам, но ее надо еще и закрепить. То есть, в данном случае, получить от подозреваемого признательные показания. Чем я сейчас и занимался. Я сидел напротив Сурика с кружкой крепчайшего – две ложки с горкой – кофе, просматривал его чистосердечное и, пытаясь собрать глаза в кучу, боролся с усталостью и накатывающей сонливостью.

– Я когда начинал свои университеты, все по понятиям еще было, – продолжал философствовать Сурик, – На зонах все только на авторитетных ворах и держалось. Я на них равнялся. И имя себе заработал. Меня ж лет десять назад даже смотрящим по зоне делать хотели. Веришь?

– Да ладно, – отозвался я. – А чего ж не сделали тогда?

– А я отказался.

– В натуре? Почему?

– А зачем оно мне? Все, что на зоне можно иметь, я и так имел. Курево там, ханка, чифирик... А головняки чужие решать, нахер оно мне не упало, – я понимающе усмехнулся, и Сурик продолжил набивать себе цену: – А правильно себя поставил потому что. С самого начала правильно себя поставил перед братвой, вот авторитет и был. А сейчас... – Сурик презрительно зыркает на зарешеченное окно, – Никто никого не ценит. Лишь бы бабки были. Конец зоне настал.

Спать. Хочу спать. Я протер глаза и снова закурил. Чтобы хоть как-то развеяться, встал и принялся мерить комнату шагами.

– Слушай, начальник. Ты вроде мент правильный.

Вот уж спасибо, заслужил. Не зря, что ли, битых три часа тебя обхаживаю?

– Можно тебя попросить... – Сурик помялся. – Ну, в СИЗО мне передачку какую-нибудь...? Ну, ты понимаешь, а? У меня ж и нет никого. Кто меня подогреет-то там? Некому.

Вот, казалось бы, что я могу сказать? «Не надо бабу свою убивать»? А вот черта с два. Это неправильный подход. А у меня был правильный.

– А от чистухи-то потом не откажешься?

Сурик бросил на меня оскорбленный взгляд, всем своим видом показывая, что он поражен, как я мог так про него подумать. Про него, про такого правильного зека старой фор-

мации. Вот, кстати, к чему были эти его излияния.

– Посмотрим, – сказал я, снова присаживаясь напротив Сурика. – Постараюсь тебя подогреть. Но...

Да, мне тоже было нужно одолжение. Но Сурик не зря отмотал на зонах 20 лет – эта игра была ему знакома не меньше, чем мне. Потому что он сразу же заявил:

– Да ты мне ничего не должен, начальник, я знаю. Давай баш на баш. Ты мне, я тебе.

– Хм.

– Вот ты, начальник... Ты же по мокрухам работаешь? Правильно? Типа убойный отдел и все такое?

– Угадал. И что?

Сурик стрельнул глазами на пачку сигарет. Я согласно кивнул. Сурик закурил, пустил дым в потолок.

– Васёк один есть. Генка Фролов его звать. Живет он где-то на Юных Ленинцев. Так вот, этого Генку... Его под какое-то мокрое дело подписывают. Ты на него надави, он тебе сразу все расскажет.

Я сделал пометку в блокноте. И не удержался, невольно хмыкнул.

– Сурик, только это... Ты мне тут уже час расписываешь, какой ты правильный вор. Ну а как же понятия и все такое, а?

Сурик фыркнул.

– Помимо понятий, начальник, есть еще и человеческий фактор. Вот Генку взять. Сдавать пацана плохо? Плохо, базара нет. Да вот только Генка Фролов – он хоть и хорохо-

рится по жизни, а сам лоховатый васёк. Ну, подпишется он на ту мокруху, допустим. Ну, повяжут его. Дадут пятнашку строгача. И что? А ни хера ничего. Он столько лет на зоне не протянет, у него кишка тонка. Так что я ему одолжение сделаю. Потом еще и спасибо мне скажет.

С этого самого разговора с Суриком и началась вся эта история.

Почти десять вечера. Мельник восседает за своим столом – грузный, усталый, всем своим видом вопрошающий «Когда все это закончится?» – и говорит по телефону.

– Да. Хорошо. Да базара нет. Раскрыли совместными усилиями. По сводке так и прошло, кажется. Если что, я с утра на оперативке так и скажу шефу: «Мы без оперов с земли не сработали бы». Ага. Давай.

Это было непохоже на Мельника. Я дождался, когда он положит трубку. Мы с Мельником переглянулись, и тот ба-совито хмыкнул:

– Ага, щас прям. В сводке их отмечай. Может, вам вообще раскрытие подарить? Может, зарплату свою вам перечис-лять? Упыри, мля, – он потянулся, громко хрустнули кости. – А, Макс, кстати. Местные там соседу нашли. Подружку этой убитой, как ее там, Варьки.

– Вальки. Ее Валька звали.

– Да пофиг. Короче, вечером она только с нашей убиен-ной болтала. И та жаловалась, что Сурик у нее бабло взял на выпивку. Догадайся, сколько? Из-за какой суммы он ее порезал? Угадай, ну?

Мельник еще не был в курсе, что у меня на руках чистуха, подписанная Суриком собственноручно.

– Сто рублей, – отозвался я. – Как раз на чекушку водки

в той дыре, где мы его взяли.

Мельник покачал головой.

– На бабе двенадцать ножевых. Из-за ста рублей. Из-за гребанных ста рублей.

– Из принципа он, Дим. Не из-за денег.

– Чего он тебе там наплел? – Мельник подозрительно уставился на меня, но, не получив ответа, тут же обо всем забыл. – Зато палку срубили. Мокруха, да еще по горячим следам. Шеф такое любит. Теперь недели две можно вообще не напрягаться.

Мельник во всем находил хорошую сторону. Я тоже пытался, честно. Но не всегда выходило. Раскрытие – это, конечно, хорошо, но... Знаете, когда тебе 20 лет, когда ты после армии решаешь пойти в правоохранительные органы, чтобы искать преступников, раскрывать убийства и все такое прочее – тогда ты даже не подозреваешь, что 90% того, с чем ты будешь иметь дело – это бытовуха. Пьяные поножовщины. Семейные скандалы, закончившиеся ударом ножом, черепно-мозговой травмой, броском из окна и так далее. Я не вру, около 90%. Есть у нас, конечно, и настоящие преступления, а не только «жена пилила мужа, схватила скалку и проломила ему голову» или «муж пил, жена была недовольна, мужу это надоело и он перерезал ей горло». И когда ты сталкиваешься с чем-то серьезным, вроде заказного убийства, то понимаешь – вот оно. Ты вспоминаешь, ради чего вообще когда-то пошел на эту работу. Тебе – интересно! Ты

вспоминаешь, что мы же тут вроде как сыщики, а не только эдакие санитары-уборщики, обреченные на бесконечную, безостановочную, пугающую в своей масштабности картину резни нашими дорогими согражданами ближнего своего. Но ситуация здесь в том, что действительно интересные, крутые дела нам доставались нечасто. Мы с Мельником – только одна из групп в убойном отделе. Мы не ходим у Варецкого в любимчиках, поэтому все «вкусные» дела забирают себе более приближенные к «телу» команды, либо же другие отделы. Например, отдел по особо важным, который подчиняется непосредственно начальнику городского УВД.

В общем, не верьте сериалам. Убойный отдел – это вам не романтика, секреты, роковые женщины, сложные расследования и погони наперевес с пистолетом. Убойный отдел – это когда ты в 24.00 торчишь в управлении, выслушивая сначала протрезвевшего уголовника, пустившего кишки своей матрене.

Потом мы наконец отправились по домам. Я – как всегда – был на машине, поэтому – тоже как всегда – предложил Мельнику его подбросить.

– Меня к Светке.

– А не поздно?

– Обещал ей Пашку провести.

– Ему восемнадцать? – вспомнил я. – Взрослый уже. А ты с ним, выходит, все нянчишься?

Мельник протяжно вздохнул.

– Макс, ну так сын все-таки. Я не стану заезжать к нему, он ко мне тоже не будет. Для него же «отец» пустое слово. И что тогда? Чем все кончится? Тем, что он меня на улице не узнает, если увидит? – Мельник отмахнулся. – Я должен делать какие-то усилия. В надежде что когда-нибудь он мне, ну, не знаю, старость скрасит. Телевизор купит. Продукты там, когда я совсем старый буду. Или стакан воды хотя бы поднесет перед смертью, понимаешь?

– Пить, говорят, тогда на самом деле не особо-то и хочется.

Мельник был разведен. Как и многие из наших. Ненормированный рабочий день, постоянные сверхурочные, вечные суточные дежурства, а еще стрессы, алкоголь и прочее, прочее, прочее. За годы работы в ментуре я навидался и наслаждался много жизненных драм, когда семьи разрушаются из-за проклятой работы...

...Но у меня – тфу-тьфу, чтоб не сглазить – все было совершенно иначе.

Таня вышла, когда я сидел на тумбочке прихожей и тихонько стаскивал с себя ботинки.

– С ума сойти, – она улыбалась. – Я думала, только под утро нарисуешься.

– Клиент попался сговорчивый.

– Я тебя умоляю, только без подробностей! Мне того случая хватило, когда Дашка в школе про жмура рассказывала.

– Хватит уже! – прорезался из детской голос. Топот,

и в прихожей возникает это 11-летнее чудо. Длинные всклокоченные волосы и странная угловатая фигура еще не подростка, но уже и не ребенка вовсе. – Один раз было, а вы все ржёте!

– Это еще что за «ржёте»?

– Пап, привет. А я сегодня то стихотворение рассказала лучше всех. Некоторые вообще не выучили. А меня похвалили.

– Класс, – заверил я. – Пятерку хоть поставили?

– Ну я вообще не спрашивала. Но похвалили.

Прям как у нас. Устная благодарность от руководства пусть будет вам наградой. Под эти оптимистичные мысли я отправился на кухню разогревать остывший, но все-таки ужин. Когда я ковырялся в тарелке, из детской донеслось нервное:

– Это что такое? Ах ты засранка!

Вот знаете, бывает, придешь домой намного раньше, чем планировал. И, казалось бы, можно провести чуть больше времени с семьей и все такое. Но тут же выясняется, что в то время, пока ты обычно отсутствуешь, семья приспособилась замечательно жить без тебя.

Напихав в рот еды с запасом, я переместился по квартире. Дашка всхлипывала, с глазами на мокром месте разбирая постель, а сердитая Таня лихорадочно – знаете, почти что со свистом – листала школьную тетрадь дочери.

– Время ночь уже! – голос Тани, которая заметила меня,

и это стало командой к началу тирады, звенел, – Ей в школу в шесть сорок вставать, в шесть сорок! Весь вечер спрашивала: «Даш, ты уроки сделала?» – «Конечно, сделала!». И что ты думаешь? Ничего она не сделала! – страницы снова засвистели. – Где? Пусто! Ничего!

– Я не обманывала, я просто забыла!

Так. Раз уж вернулся пораньше, пора и в воспитании участие принять. Раз уж случай сам представился. И пусть потом никто не говорит, что дочь растет без отца.

– Дашка, что за дела, – я был строг, – Что значит «забыла»? У тебя что, так много обязанностей? Как можно взять и забыть? А дневник тебе для чего?

– Все, Максим, хватит уже.

Я вытаращился на Таню, не веря. Но это была она. Вот тебе и поддержал жену в воспитании.

– В смысле – хватит? Вы оретесь, я прибежал, встал на твою сторону... В прошлый раз я Дашу защищал, мы с тобой потом два дня не разговаривали. Ты разозлилась, что мы не единым фронтом выступали. Ну вот, сейчас было единым фронтом. Но тут же ты меня берешь и затыкаешь. Как это вообще понимать?

Фыркание. Закатанные глаза.

– Чем так, лучше уж никак. Ты на нее наорешь, а кто ее потом успокаивать будет? Ты? Или ты с ней уроки потом делать будешь? Иди уже, ешь себе.

И вот у кого терпения бы хватило? Злой, я хлопнул две-

рю и вернулся на кухню. Мне вдогонку звенел голос Тани:
– И не надо дверью хлопать!

Вот тебе и вернулся домой пораньше, чем обычно. Я уже видел, как в следующий раз, когда встанет выбор, вернуться пораньше к семье или пропустить с Мельником кружечку-другую, маятник качнется в иную сторону.

Примерно в это же самое время Паяльник, которого я заметил в толпе зевак перед пивной за несколько часов до этого, возвращался домой. Около его подъезда кто-то ошивался – Паяльник хорошо видел силуэт. Это был какой-то мужик, и вряд ли из местных, иначе бы предпочел ошиваться в подъезде – ночами все еще подмораживало. Паяльник был парнем нервным и на всякий случай достал из кармана нож. Это была просто мера предосторожности – район-то не из спокойных. Но, когда Паяльник попытался проскользнуть мимо тени к себе в подъезд, тень шагнула прямо к нему. Нервы Паяльника не выдержали.

– Ну давай! – он выхватил нож и замахал им перед собой. – Рискни!

– Паяльник, ты че, с дуба рухнул?

Сначала Паяльник узнал голос. А потом и лицо. Фролов Генка. Паяльник с облегчением выдохнул.

– Это я, алё! Че так пугаешь?

– Я тут одного черта с лестницы недавно спустил, – соврал Паяльник, напустив на себя пренебрежительный вид.

Имидж, как говорится, главное. — Он к моей бабе клинья подбивал. Этот черт зарядил, что найдет меня. Вот, с пером теперь хожу... А ты че тут? Ко мне, что ли?

Фролов выдохнул со свистом.

— Попал я, кажись, братан.

— Чего? — Паяльник машинально поозирался по сторонам. — Порешил кого-то, что ли?

— Не, не. У меня другое. Я...

Паяльник не дал ему договорить, ткнул в грудь Фролову указательным пальцем и провозгласил:

— Геныч, мне неприятности не нужны, понял?

Но на Фролова это не подействовало.

— Хорош, Паяльник, а, — он на всякий случай понизил голос. — Я ж знаю, что ты с мусорами корешишься. Потому я к тебе и пришел. Сейчас только ты мне, походу, помочь можешь.

Паяльник вперил в него долгий взгляд. И, наконец, убедился, что тот не шутил. Тогда выудил из кармана ключи, открыл магнитный замок подъездной двери и кивком пригласил Фролова внутрь:

— Ну пошли, хер ли.

При чем тут я? Меня эта ночная встреча догнала утром. Я как раз поднялся, прошамкал на кухню и включил чайник, потому что без кружки кофе я буквально не мог существовать. Ну, то есть вообще. Поднялся я по будильнику. Таня спала, замотавшись в одеяло.

Сегодня была моя очередь провожать дочь в школу. Дело в том, что Таня – медсестра в больнице. Работает посменно. В те дни, когда у нее на носу ночная смена, мы с Дашкой даем ей выспаться. Не по своей, на самом деле, инициативе.

Зевая и думая лишь о кофе, я прошествовал в детскую. Толкнул Дашку в плечо.

– Давай. Подъем.

– Гхм...

– Даш. Вставай.

– Угу... Гхм...

Я подождал полминуты. Убедился, что «угу» было враньем. Толкнул дочь снова.

– Я так-то тоже спать хочу. Подъем. Все, вставай давай. Прямо сейчас, – и, когда Дашка с мученическим видом спустила ноги на пол, напомнил ей самое главное: – И в туалете и ванной не грохочи. Если мама проснется, все отгребем.

Благословенный чайник закипел. Я приготовил себе кофе покрепче. И только сел, чтобы насладиться первым глотком, как в двери комнаты нарисовалась Таня. С первого взгляда я сообразил лишь, что она сонная и злая. Только со второго или третьего заметил собственный сотовый в ее руке. Телефон горел синим и усердно вибрировал.

– Черт.

– В следующий раз я его просто в окно выкину и лягу спать дальше.

Спровадив злую Таню из комнаты, я наконец ответил

на звонок. И узнал в трубке голос Паяльника.

– Максим Викторович, здрасте, это я. Нам бы это, пере-
сечься.

И вот через сорок минут я листал газету, сидя на лавочке в сквере – в условленном месте. До развода у шефа было почти полчаса, а у меня в руке был полулитровый картонный стакан с горячим шоколадом из кофейни, который бодрил ненамного хуже кофе, так что меня все устраивало. Долистав газету до конца и не найдя ничего путного, я выбросил ее в урну и тут же услышал Паяльника:

– Плохая газета?

– Плохие новости. Почитаешь, хоть вешайся. – дежурно пожал Паяльнику руку. – Слушай, не звони мне так рано, понял? Если только к тебе не ломятся вооруженные головы-
резы. Хотя тогда лучше вообще не звони.

Паяльник закивал – понял, мол, исправлюсь.

– Максим Викторович, а вы вчера Сурика взяли, да? Ви-
дел вас. А я его знаю. Выпивали как-то вместе.

– Поздравляю. Давай ближе к делу.

Паяльник вздохнул.

– Кореш у меня один есть. И у него типа неприятности.
Короче, попал кореш.

Знаете, вот включишь любой полицейский фильм по ТВ. В большинстве из них стукачей вообще нет, хотя в любой оперативной работе помощь стукачей решают исход пример-
но 85—90% расследований. А в тех фильмах, где стукачи

есть, это все показано так красиво, что меня как опера – только завидки берут. Рраз – опер встречается со стукачом и велит ему узнать что-нибудь эдакое. Рраз – через полчаса стукач звонит и выдает ответ. Как волшебный шар мага. И, что характерно, стукач не просит об ответном одолжении. Не просит кого-то отмазать. Или подогреть. Или решить еще одно из его сотни дел, которыми каждый стукач парит своего куратора на каждой встрече. Проза жизни.

– Паяльник, я фигею с тебя, – разозлился я не на шутку, – Ты с утра меня выдернул, чтоб я опять твоего кореша выручал? Совсем, что ли, опух?

Паяльник испугался. Потому что затараторил. Когда он пугается, всегда тараторит.

– Максим Викторович, там дело серьезное, в натуре! Генке кое в чем поучаствовать предложили. А он отказался под такое подписываться. А там люди серьезные и работа серьезная, понимаете? Генка боится, что его теперь и порешить могут. Ну, как свидетеля.

На имени «Генка» я, конечно, споткнулся. Потому что таких совпадений не бывает. Вот тебе и подтверждение, что информация от Сурика – не лажа.

– Генка, говоришь? А фамилия? Случайно не Фролов?

– А вы...? – Паяльник был сражен наповал. – Откуда вы...?

– Работа такая, – отозвался я как можно солиднее. А сам вспоминал слова Сурика. Фролова подписали на мокрое, так

он сказал. – И кого Фролову сказали валить?

Паяльник аж назад шарахнулся. Нервный он стал, Паяльник-то.

– Я про завалить ничего не говорил! – глаза стукача забегали, он лихорадочно соображал. Теперь – не о том, как помочь корешу, а как выбраться из истории, потому что пахнуть история начинала нехорошо. – Так, Максим Викторович, слушайте, я тут вообще ничего не знаю. Вообще не при делах. Генка сказал, там какие-то серьезные пацаны. А я с серьезными пацанами не хочу проблем иметь, врубаетесь?

Еще бы не врубаться. Думаешь, я хочу? Но вслух я сказал другое:

– Это ты мне позвонил, а не я тебе.

– Генка попросил его с кем-нибудь из мусоров свести. Простите, с кем-то из оперов. Ну, вы поняли. И все! Больше я и сам ничего не знаю.

– Ладно. Не бей копытом, понял я. На, передай своему Генке, – я выудил из кармана визитку со всеми своими телефонами на ней и вручил Паяльнику. – Тут все мои контакты. Скажи, если дело плохо, пусть звонит сегодня же.

Эх, знал бы я заранее, что будет уже поздно...

– И, значит, стою я на кассе, с деньгами. А пока очередь, я же уже сто раз в уме посчитал, сколько я им должен. А продавщица все пробивает товары, пробивает... Медленно так, знаешь, как при замедленной съемке.

Горшков оторвался от компьютера, на котором что-то печатала, посмотрел на Клюкина. Пожал плечами и продолжил тыкать кнопки. Где-то примерно в этот момент в кабинет зашел я. Клюкин, пожимая мне руку, продолжал:

– А там уже и сзади очередь. А на все пробивает, пробивает... Наконец типа пробила. Я даю ей бабло, на мне сдачу. Потом берет чек – и залипает. Смотрит на него тупым таким взглядом. И я понимаю – ни хрена это еще не все.

Горшков снова оторвался от компьютера.

– Не все посчитала?

– Посчитала все. Но неправильно. Потому что дальше следует шедевральный вопрос: «А я вам сколько сдачи дала?».

Горшков раздраженно вздохнул.

– Клюкин, ты мне эту хрень рассказываешь целых пять минут. И ради чего все? Эти пять минут мне никто никогда не вернет, понимаешь?

Мы их называли Чук и Гек. Честно говоря, не уверен, кто из них был Чуком, кто Геком.

Клюкин обиженно засопел. Горшков и сам понял, что по-

горячился, и пошел на попятную:

– И что дальше?

– Ничего.

В голосе Клюкина сквозил холод. Точно обиделся. Горшков со вздохом покачал головой и продолжил печатать. В кабинет вошел Мельник – собственно, все мы четверо и делили этот кабинет между собой. Пока все здоровались друг с другом, Клюкин несколько раз украдкой посмотрел на Горшкова. Понял, что тот не собирается расспрашивать дальше. И, как это у них всегда бывает, не выдержал сам.

– Дело не в продавщице. И не в товаре. Дело во всем. В самой, не знаю, ситуации. Я пока ехал на работу, думал об этом. Продавец, который ни хрена не умеет считать. Думаешь, это мелочь? А как насчет врача «скорой», который не умеет делать уколы? Моя мать пару раз на таких напарывалась. А учителя, которые пишут с ошибками?

Мельник явно вчера выпил – у него на физиономии было изображено страдание. Трогая голову, он махнул на Клюкина:

– О чем это он?

– Даже не спрашивай, – попросил я.

Горшков же воспринял странную речь Клюкина со всей серьезностью. Подумал и выдал:

– Все беда в непрофессионалах?

Клюкин торжествующе щелкнул пальцами.

– В точку. Дилетанты. Они повсюду. Вот когда мы были

маленькими и думали про двадцать первый век, который когда-нибудь застанем, что мы о нем думали? Что это будет высоких технологий, или, там, век космических открытий? А вот утритесь все. Двадцать первый век – век дилетантов. Тех, кто хочет бабла, но не хочет ничего уметь, чтобы заработать их. Понимаешь?

Горшков начал тревожиться за Клюкина.

– Ты вчера выпил, да?

Неизвестно, как долго эта бессмыслица продолжалась бы, если бы в кабинет не заглянул Василич.

– Все в сборе? На развод.

Василич – наш старший опер. Проще говоря, руководитель подразделения. Промежуточное звено между нами, исполнителями, и начальником убойного отдела – подполковником Варецким.

Удивительное дело. Василич (Алексей Васильевич Харитонов, так его зовут, хотя вспомнить это непросто – для нас он просто Василич) и Варецкий одного возраста. Они одногодки. Обоим по полтиннику. Но толстый и запустивший себя Василич выглядит лет на десять старше Варецкого. Последний же – подтянутый, даже спортивный сукин сын. По характеру они отличались так же кардинально, как и внешне. Василич был добряком, ставившим себе задачу сглаживать острые углы. Варецкий был неприятным и жестким типом. Как и для многих в ментуре, для него главное в работе – это движение по карьерной лестнице вверх. Ва-

рецкий мыслил исключительно этими категориями. Он был на короткой ноге с начальником управления уголовного розыска и, поговаривают, наш подполковник был первым кандидатом на его кресло после отставки шефа УУР.

Сейчас Варецкий пробегал глазами бумаги за последние сутки.

– Пять раз судимый гражданин Суриков по кличке Сурик... С фантазией у них негусто, а?

– Век дилетантов, Александр Иванович.

Варецкий не был в курсе мутных рассуждений Клюкина, а потому смерил его унылым взглядом, и Клюкин заткнулся. Варецкий покивал рапорту и уставился на меня.

– Силин, созвонись со следаком. Надо закреплять чистуху. Желательно с выводкой на место. И главное, Силин... Что у нас главное?

В случае с Варецким я не был уверен, но рискнул:

– Поймать убийцу?

– Неправильно, Силин, – Варецкий смотрел на меня так, словно мысленно уже переваривал меня. Взгляд у него всегда был тот еще. – Главное в нашем деле – взять у следака подписанную карточку, что мокруха прошла как раскрытая.

– Так точно.

– Горшков, Кюкин, что у вас с морухой на Лесозащитной? Уже месяц глухарь висит.

– Работаем, Александр Иванович. Отрабатываем версии. Сегодня Варецкий был не в духе, а Клюкин и Горшков

могли получше подбирать отмазки. Варецкий сухо, с железными нотками в голосе, выдал «Какие, например, версии?», чем застал обоих врасплох.

– Ну... Эээ... – Клюкин беспомощно покосился на Горшкова. – Александр Иванович, бабка нелюдимая была, ни с кем не общалась. Родня только дальняя, судимых нет. В квартире пальцев не нашли. Местных уголовников мы тоже уже проверили, но по ним порожняк.

– В общем, как бы... глухарь, – закончил Горшков.

Варецкий в очередной раз одарил их тяжелым взглядом. Сегодня он решил выместить зло на них. Частенько негатив начальство вымещало на мне, но благодаря вчерашнему раскрытию по горячим следам сегодня можно было выдохнуть – когда есть свежие раскрытия, начальство благосклонно даже ко мне.

– В общем, так. К вечеру мне на стол расширенный план мероприятий. И чтоб все бумаги в деле были. Глухарь или нет, мне плевать, но чтоб к бумагам никто не мог придраться, все ясно?

Последняя фраза – в этом был весь Варецкий.

Что касается меня, то после утреннего развода я запросил досье на Генку Фролова. Который пока что, к слову, так мне и не позвонил. Времени прошло немного, да и сам он мог передумать. Но, учитывая, что за короткий промежуток времени – каких-то 12 часов – сразу из двух независимых источников пришла информация о причастности Фролова

к какой-то движухе, стоило подготовиться. Как минимум, собрать информацию.

– Что у тебя?

Мельник поймал меня в курилке, где я дымил, сидел на стуле и листал материалы по Фролову.

– Да так. Карточка на типа одного. Думаю вот, может, попробоваться вербануть его.

Мельник хмыкнул, взял досье, бегло пробежался глазами по первой странице с основными вехами в биографии Фролова.

– Да у него одна ходка только. Два года за разбой и все. Зачем он тебе такой?

– Два года за разбой, – согласился я. – Как думаешь, почему за разбой всего два года?

– Хм. Сотрудничал?

– Наверняка пел как соловей. Да и информация на него есть. Если ее правильно повернуть, чувак мне будет по гроб обязан.

Но все вышло совсем иначе.

Хронологию событий я установил чуть позже. Получается, что, пока я убивал время на утреннем разводе у Варецкого, Паяльник решил не тянуть кота за хвост и сразу отправиться к Фролову, чтобы передать послание. По пути дважды позвонил. Оба раза голос оператора бесстрастно поведал, что телефон абонента находится вне зоны действия сети. Время было утреннее, а Фролов ранней пташкой никогда не был, так что Паяльника это нисколько не смутило.

Фролов обитал на улице Юных Ленинцев. В ничем не примечательной «хрущевке», по соседству с такими же «хрущевками». Паяльник, как я узнал потом, набрал номер квартиры Фролова на домофоне. Шли громкие гудки – но никакого ответа не было. Паяльник уже думал, не уйти ли ему вообще, но положение спасла бабушка. Одна из соседок Фролова по подъезду открыла дверь, выбираясь из дома. Паяльник буркнул ей «Здрасте», чем заслужил долгий, настороженный и пристальный взгляд, и прошмыгнул в подъезд.

Лифта здесь, как и во всех остальных пятиэтажных «хрущевках», не имелось. Паяльник взмахнул по лестнице, несколько раз нажал на кнопку дверного звонка. Даже пару раз постучал в дверь и крикнул «Открывай, это я! Новости есть, э!» – ну или что-то подобное. Ответа не было.

В ситуации, когда вы пришли к хорошо знакомому вам человеку, с которым не обязательно соблюдать этикет, а тот не открывает вам – знаете, что вы почти наверняка сделаете? Подергаете ручку двери. Так поступает каждый второй. Паяльник относился к их числу. Дверь поддалась и чуть приоткрылась. Удивленный, Паяльник еще раз крикнул «Генка, э, это я!» и шагнул внутрь.

Вы уже догадались, что было потом?

Бледный как смерть Паяльник выскочил из подъезда секунд через двадцать. Он чуть не сбил с ног бабушку – ту самую, которая впустила его в подъезд. Шарахнулся от нее, как от чумы, понимая, что она теперь запомнит его. Споткнулся и пробурчал «Извините», запинаясь, чем окончательно и бесповоротно усугубил свое положение.

А потом задал стрекоча. Бабушка провожала его все тем же долгим, настороженным и пристальным взглядом. Старушка оказалась не только подозрительной, она была еще и глазастая. Потому что уже через минуту она была в своей квартире и торопливо звонила в полицию.

– 318—40, Тайга-1, прием

– Тайга-1, 318—40, слушаю.

– Проверьте адрес. Улица Юных Ленинцев, дом сорок пять, третий подъезд. Подозрительный человек с кровью на одежде.

Вызов адресовался экипажу ППС – патрульно-постовой службы – который не только обслуживал данную террито-

рию, но и, если верить карте с GPS-маячками, располагался к адресу ближе всех.

– Опять какая-нибудь скотина упала по пьяни и нос расшибла, – заверил один из патрульных напарника, но диспетчеру по рации сказал совсем другое: – Тайга-1, принял, мы рядом.

Ничего не подозревающий Паяльник добежал до угла дома и быстро шмыгнул в укрытие. Ему не хватало воздуха, он тяжело дышал – и потому что запыхался, и потому что только что столкнулся с мертвецом. Паяльник увидел свои руки, и тут его чуть не парализовало от паники. Обе его ладони были в крови. Паяльник даже не помнил, как так могло получиться.

– Твою же мать, – подвывал он. – Твою же мать...!

Он вырвал клоч молодой травы с земли и, как мог, оттер ею следы крови с ладоней. Но пока оттирал, увидел характерные пятна и на коленях. Паникуя еще больше, Паяльник поозирался по сторонам. В поле зрения были лишь двое – но это была влюбленная парочка, парень и девушка. Они шли в обнимку и мало на что обращали внимания. Надеюсь, что так оно и будет, Паяльник сунул руки в карманы, низко склонил голову чтобы не светить перед возможными свидетелями свое лицо, и быстро зашагал по дорожке к улице.

Как только он вышел на тротуар, то нос к носу столкнулся с экипажем ППС – тот несся мимо с включенными проблесковыми маячками, но без сирены. Паяльник произволь-

но шарахнулся назад, но вовремя сообразил, что патрульные на своей работе собаку съели. Если он резко сорвется с места или даже просто изменит траекторию движения – те его срисуют. Поэтому Паяльник просто сжался, надеясь, что удача окажется на его стороне, и зашагал в противоположную сторону.

Через метров 5—6 не выдержал, обернулся. И увидел, что патрульная машина в полусотне метров позади него разворачивается.

Они его срисовали. Эта мысль промелькнула в голове Паяльника. И тогда он плюнул на все – и побежал.

– Тайга-1, есть подозреваемый! Уходит к Бухарестской!

Паяльник прыгнул в первый же двор и со всех ног пустился бежать, куда глаза глядят. Где-то позади громко и тревожно завывла полицейская сирена. Паяльник свернул направо. Затем еще раз направо. Затем налево. Впереди показалась улица. Кажется, оторвался. Тяжело дыша – легкие категорически не справлялись с нагрузкой – Паяльник сбавил скорость. Зашагал к тротуару, пытаясь отдышаться и подозрительно косясь по сторонам. Обернувшись, Паяльник не поверил своим глазам. Крепко сбитый патрульный с резиновой дубинкой в руках беззвучно несяся прямо на него.

– А ну стой! Стреляю!

Паяльник выскочил на тротуар и пустился прочь с новой силой. Патрульный догонял его с каждым прыжком – силы были неравны – и уже норовил огреть Паяльника дубинкой

по спине, но тот, каким-то шестым чувством почуяв угрозу, резко отскочил в сторону и скрылся в выросшем перед ним проулке.

– Стоять, сука!

Паяльник пыхтел, как паровоз. Он бежал сквозь заросли каких-то хозяйственных построек. Оступившись о росшую прямо из земли арматуру, кувыркнулся вперед и едва не переломал себе шею. Чертыхаясь, вскочил и бросился дальше. Главным было запутать следы.

И в этот момент прямо перед ним, из-за ближайшего поворота, словно из ниоткуда возникла машина ППС. Паяльник налетел на нее с разбега и перекувыркнулся через капот. Он пытался встать, когда его приняли крепкие руки и швырнули грудью на землю.

– Все, сдаюсь! – захрипел Паяльник, а в глазах его непроглядной тьмой сгущался страх перед ставшим таким пугающим и неопределенным будущим. – Мужики, сдаюсь, не бейте..!

Несколько раз его, конечно, приложили. Для профилактики. Защелкнули на руках наручники. Быстро обыскали, в заднем кармане нашли складной нож. Один из патрульных объявил по рации – эти слова для Паяльника звучали, как удары молота судьбы по барабанным перепонкам:

– Тайга-1, 315—24, подозреваемый задержан. На одежде кровь. Прием.

– Вас понял, 315-й. Высылаю на адрес группу.

Когда Паяльника заталкивали в машину, он сообразил уже, что помочь ему мог сейчас только один человек. И тогда Паяльник с мольбой и придыханием забормотал своим пленителям:

– Мужики...! Мужики, умоляю, позвоните в городской убойный! Капитану Силину! Позвоните в убойный, мужики, слышите?!

Я увидел его сразу, как вошел в фойе отделения: планировка в ОВД «Полехино», как и во многих других околотках, предполагала размещение обезьянника прямо напротив дежурной части. За решеткой клетки из спаянных арматурных прутьев Паяльник смотрел на меня грустными и преданными глазами.

– Максим Викторович!

Я знаком велел ему молчать – еще ляпнет что-нибудь важное, а потом отмывайся – и шагнул к дежурке. Показал ксиву толстому старлею за перегородкой из плексигласа.

– Капитан Силин, убойный. А где ваши опера все? Или нач по розыску?

Дежурный выглядел профессионально. В смысле, его лицо выражало то, что выдавало в нем ветерана полицейской службы, а именно: «Как вы меня все достали».

– Одни на территории, другие на мокрухе работают. Мокруха, значит.

– На мокрухе? Которая на Юных Ленинцев? – дежурный не ответил. – Понятно. Я могу вон с тем кадром поговорить где-нибудь?

Поскольку все опера отсутствовали, единственная допросная ОВД была свободна. Туда я и отвел Паяльника, который сразу же выложил мне все, что произошло. В красках

и подробностях.

– Хата открыта. Я зашел с дуру... Поскользнулся на чем-то. Там типа полумрак, с ночи-то. Встаю, глядь – кровь, б...дь! Глянул в комнату – а там прямо у порога Генка валяется. Тоже в крови весь. Мертвый, ясен хрен. Что мне оставалось-то, Максим Викторович? Там стоять и ждать, когда меня менты примут?

Я не удержался:

– И ты сделал все, что только можно, чтобы тебя приняли намного быстрее.

– Максим Викторович!

– Хотя бы убегал так, чтоб тебя полдвора не запомнило.

– Да я испугался, понимаете?! Я ж, б..дь, я же...

– Понял я все, хорош орать, – вздохнул я и предложил ему сигарету. Может, хоть так успокоиться немного. Сам закурил тоже и как следует задумался. Дела были – дрянь. Хуже некуда были дела. И первым делом нужно было это признать, чтобы иллюзий не оставалось. С иллюзиями, скажу я вам, далеко не уедешь. – Так, Паяльник. Мы с тобой давно знакомы. Ты у меня не самый плохой агент. Я по-любому постараюсь тебе помочь. Но давай со мной как с адвокатом, понял? Ну, или с доктором, там. То есть – только правду. Все только по чесноку. – И, выдержав паузу, спросил главное: – Ты его завалил?

Нет, не он. Это я понял сразу по его лицу. Паяльник аж задохнулся от такого предательства с моей стороны.

– Вы че, Максим Викторович, вы че...?! Зачем мне...? Да я ж... Бл...! Я ж к нему пошел только, чтоб ваш номер дать, вы че?!

Пришлось успокаивать его и объяснять, что я должен был спросить. Чтобы окончательно прояснить ситуацию.

– В общем, Петро, такие дела. Смотри. Во-первых, ты дважды судим у нас. Во-вторых, ты убегал от ментов. В-третьих, у тебя кровь на руках и одежде. В-четвертых, свидетель. Короче, по всем раскладам ты у нас идеальная кандидатура, чтобы на тебя мокруху свалить. Понимаешь?

Паяльник пригорюнился.

– Понимаю. Б... дь!

– Успокойся.

– Легко вам говорить, да?

– Попробуем тебя отмазать, – нехотя произнес я то, чего Паяльник ждал больше всего.

Знать бы еще только, как.

Перед третьим подъездом жилого пятиэтажного многоквартирного дома на улице Юных Ленинцев все еще были натканы машины, недвусмысленно указывающие, что именно здесь произошло. Один экипаж ППС, фургон «дежурной части» из местного ОВД «Полехино», труповозка. И в качестве вишенки на торте – самая дорогая тачка – матовый и весь из себя солидный темный фургон с красной полосой на боку. На полосе было выведено «Следственный комитет».

У двери подъезда с патрульным, который то ли охранял вход (зачем?), то ли просто слонялся без дела (скорее всего), стоял мой знакомый опер из «Полехино». Артемов. Он тоже сразу заметил меня и шагнул навстречу.

– Здорова. А шеф уже сказал, что убойщики нам не нужны. Сами типа справимся.

Ну еще бы. Я усмехнулся:

– ППСники клиента взяли по горячим чуть ли не на месте преступления, вот он и копытом бьет. В сводку хочет проскочить, а славой с городом делиться не хочет.

– Ну так, каждый за себя.

– Да уж. – я кивнул на фургон СК. – Комитет здесь еще? Кто от них?

– Можаяева, – ответил Артемов и расплылся в ухмылке, увидев, как изменилось мое лицо: – Ага. Повезло тебе.

Можаяева. Бабе под 40. Внешне она сохранилась вполне себе ничего, а вот внутри все гораздо хуже. Короче, если между нами, мымра и сука. В городском отделе СК следаков не так много, как и в городском убойном – оперов, и все мы друг с другом, конечно, давно знакомы. И вот что я вам скажу – здесь я бы предпочел увидеть кого угодно, но не Можаяеву. А это о чем-то, да говорит, верно?

Когда я поднялся в квартиру, там все еще кипела работа. Ну, как кипела – если продолжать выражаться кулинарными терминами, то, скорее, тушилась на медленном огне. Один криминалист, насвистывая что-то, работал по отпечаткам.

Опер, фамилию которого я подзабыл, лениво шарил на полках. Можаяева собственной персоной восседала на табуретке в центре комнаты и заполняла протокол.

– Всем привет.

– Силин, – мы с Можаяевой относились друг к другу примерно одинаково, поэтому щенячьего восторга в ее голосе никто не заметил, – Какими судьбами?

– Как его замочили? Ножевое?

Можаяева поколебалась, явно гадая, стоит ли посылать меня сразу или для начала можно поиграть в приличных людей.

– Огнестрел. Два в упор. Ствола нет.

На голоса из кухни вышел кто-то еще. Я повернул голову и узнал Иванюка. Еще один сукин сын из числа моих коллег. Майор полиции. Начальник уголовного розыска ОВД «Полехино». Это его слова цитировал Артемов. Обычно Иванюк вел себя со мной в рамках приличий – конечно, он и целый майор, и целый нач угро, но я все-таки из главка. Обычно – но не сегодня. Сегодня Иванюк явно заподозрил, что у него из-под носа пытаются увести добычу. И поэтому вместо приветствия он грубо пролаял:

– А тебя кто вызвал?

– Я сам пришел, – терпеливо и смиренно поведал я. Лучшая тактика в таком окружении. – Этот чувак, Фролов – он искал со мной контакта. Через моего агента, – помолчав, я вздохнул и перешел к главному: – Фамилия агента Шалаев. Кличка Паяльник. Вы его повязали. Народ, он не убивал ни-

кого.

– Это он тебе сказал? – ослабился Иванюк. – Знаешь, Силин, или как там тебя. Я в розыске почти двенадцать лет, и...

– Паяльник сюда сам пришел потому, что я его сюда послал. Он наткнулся на труп и сразу свалил. А что ему надо было делать еще, по-вашему? Рядом лечь?

Иванюк и Можаяева переглянулись. Было очевидно, что новый поворот им категорически не нравится, потому что они про себя уже давно все решили. Пока Иванюк думал, что бы такое поунизительнее мне сказать, вмешался опер.

– Тимур Анатольевич, смотрите.

Опер, фамилию которого я не помню, нашел на полке какое-то фото и показал Иванюку. Иванюк нахмурился и принялся его вертеть.

– Тут сзади адрес. Родимцева, дом 30.

Можаяева озадачилась.

– Квартиры нет, только дом? Это частный сектор?

– Нет, многоквартирный. Новый дом, лет пять назад его только заселили. Пробей адресочек сразу, что там.

Опер кивнул и испарился. Иванюк передал фото Можаяевой. Я набрался наглости и заглянул через ее плечо. На фотографии был запечатлен тип средних лет. Явно преуспевающий мужчина, предприниматель или чиновник, на фоне дорогого авто. Он улыбался в объектив. В углу портрета – полупрозрачный логотип из социальной сети «Одноклассники».

– Фотография из интернета, – заметила Можаяева. –

Со странички этого мужика. И снимок напечатан на хорошем принтере. Странно.

– Вот и я о том же.

– Силин, так говоришь, наш жмур выходы на тебя искал?

– Угу.

– А это кто, ты не в курсе?

Она снова показала мне снимок, будто я в первый раз не разглядел. Я пожал плечами:

– Судя по прикиду, коммерс какой-то. Или бандос. Или депутат. Или все вместе. Что чаще всего и бывает.

Можаева одарила меня хмурым взглядом и вернулась к писанине. Иванюк хранил молчание и лишь косился на меня. Ждал, когда же я выметусь отсюда. Не будем заставлять коллег ждать. Я кашлянул:

– Лариса Семеновна, можно вас на минутку?

Можаева, хоть и сука, а на этой работе уже собаку съела. И, когда мы вышли в подъезд и закурили, а я только открыл рот, она сразу поняла, что мне от нее нужно.

– Так что насчет времени смерти? Мы его знаем, хоть примерно?

– Только примерно. Часов четыре-пять назад.

– Это судмед сказал?

– Нет, Силин, по радио объявили. Сразу после хит-парада.

– Ну вот! – обрадовался я, не замечая ее ехидства. – А у вас есть свидетель, который видел что? Который видел, как Паяльник приперся и уже через минуту вылетел как

ошпаренный. А в это время Фролов был уже часа два как мертв, правильно?

– Силин... – устало возразила Можаяева. – Местные уже взяли человечка. Взяли чуть ли не с поличным, около места преступления, со следами крови и так далее. Местные не просто его взяли, они уже доложили наверх. А ты не хуже моего знаешь, что теперь будет. Теперь твоего Паяльника под это дело подводить будут. Всеми правдами и неправдами. Все, поздняк трепыхаться, шестеренки завертелись.

Я не выдержал:

– Да твою мать, Ларис, при чем здесь местные? Кто дело ведет, в конце концов, местные опера или следак комитета?

Правильный ответ, если что – вариант Б, следовательно из следственного комитета. Но Можаяева в эту игру играть не стала. Вместо этого она сверкнула глазами и сухо поставила меня на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.